

Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара “Культурный ландшафт”. Ред.: Калущков В.Н., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. – М.: изд. МГУ, 2003. С. 62-77.

Ямсков А.Н.

Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта

Десятилетняя история семинара “Культурный ландшафт” на Геофаке МГУ наглядно демонстрирует значительное внимание географов к культуре в целом и к культурным ландшафтам в частности (Калущков, Красовская, 2000: 5). Тем не менее концепция культурного ландшафта находится ещё в стадии разработки и потому имеют хождение существенно разные её трактовки¹. Но в дальнейшем в культурной географии должна сложиться некая наиболее распространенная точка зрения на то, что представляет из себя культурный ландшафт в качестве одного из основных объектов исследования данного направления географии, подобно тому, как экономико-географы и физико-географы определились в общих чертах с пониманием своих объектов изучения - с одной стороны, территориально-производственных комплексов или экономических районов, с другой - природно-территориальных комплексов или ландшафтов. Думается, что первым и решающим шагом на этом пути будет выработка географами единого либо близкого по сути понимания как целей выделения или моделирования культурных ландшафтов (своего рода “территориально-культурных комплексов”), так и того, что именно они понимают под “культурной составляющей” последних.

Вероятно, в культурной географии в итоге возникнут собственные особенности понимания культуры, ее компонентного состава и принципов отбора значимых в заданном контексте компонентов, задач и способов выделения первичных (гомогенных) культурных комплексов и их объединения в таксономически более высокие единицы (в т.ч. при картографировании). Этнологи и археологи тоже привносят свои дисциплинарные особенности в решение подобных задач, но ряд фундаментальных понятий является для них общим. Видимо, законченная концепция культурного ландшафта также

---

¹ См. статью В.Н. Калущкова в этом сборнике.

включит в себя прямые либо имплицитные ответы на эти принципиальные вопросы, причем такие ответы, отличаясь в деталях, не должны прямо противоречить взглядам этнологов и археологов.

С. 62

Несомненный интерес для географов должна представлять трактовка указанных вопросов в отечественной этнологии (или этнографии, как её именовали в Российской Империи и СССР) и в зарубежной культурной антропологии, ведь эта наука посвящена фиксации, описанию и объяснению причин культурной и этнической дифференциации человечества на отдельные народы (этноты) и на входящие в состав большинства этносов территориальные и/или социальные общности, обладающие внутриэтнической спецификой культуры и, часто, самосознания.

Задача данной работы - попытаться представить краткий экскурс в указанную область исследований и, главное, прямо сформулировать те вопросы или альтернативы, которые необходимо решить либо выбрать разработчикам концепции культурного ландшафта. Однако этнология ныне фактически разбилась на целый ряд мало связанных друг с другом субдисциплин, и к тому же внутри них сосуществуют соперничающие научные школы, каждая со своими нюансами в трактовке терминов. Поэтому реальные цели автора намного скромнее - представить свое понимание данных вопросов, сложившееся на основе двадцатилетней работы в отечественной этнической экологии (о последней см.: Козлов, 1983) и знакомства с её американским аналогом - экологической антропологией, до середины 1960-ых гг. более известной под именем "культурной экологии" (см.: Козлов, Ямсков, 1989). Тем не менее явно дискуссионные точки зрения ниже практически не приводятся либо специально оговариваются.

* * *

Феномен культуры не имеет однозначного определения, но еще в 1952 г. американские антропологи А. Крёбер и К. Клакхон насчитали порядка 300 разных толкований этого понятия (Seymour-Smith, 1986: 65-66), а с тех пор появилось много новых. Однако в современных исследованиях этнологов обычно присутствуют следующие важнейшие особенности понимания ими культуры:

1. представление об универсальном характере распространения культуры в устойчиво существующих во времени сообществах людей - каждое из них обладает своей культурой, причем часть её черт всегда имеет уникальный характер; нет сообществ вообще без культуры либо "менее культурных"

- каждая культура по-своему сложна, полна и многогранна, при этом специфической культурой обладают, например, как сословия священнослужителей, так и нищих, как создавший особую цивилизацию более чем миллиардный китайский этнос, так и насчитывающие всего сотни человек и изолированные друг от друга родоплеменные группы бушменов (бродячих охотников-собирателей Калахари);
2. признание того, что значительную часть своего “культурного багажа” каждый человек, особенно в детстве, приобретает неосознанно, в процессе подражания окружающим и простого копирования их действий;
  3. принципиально безоценочный (нейтральный) подход к этому феномену на этапе исследования (но не высказывания авторских оценок и мнений!), т.е. к явлениям культуры в равной мере относят храмы и помойки (с содержимым которых через столетия, возможно, будут работать изучающие “культуру” археологи), религиозные песнопения и скабрёзные частушки, и т.п.;
  4. отход от бытовавшей ранее трактовки культуры как совокупности материальных и духовных результатов целенаправленной деятельности людей в пользу понимания культуры как передающейся внебиологическим путем от поколения к поколению и от одного сообщества к другому своего рода программы поведения, т.е. стереотипов действий человека в определенных жизненных ситуациях;
  5. представление о культуре как комплексе нераздельно взаимосвязанных материальных (вещественных) и нематериальных (существующих только в виде знаний и умений) явлений, причем основную роль играют как раз последние (только знания и умения позволяют воссоздавать разрушенные материальные объекты - орудия труда, жилища и т.д. - и, что главное, пользоваться последними), так что разделение культуры на “материальную” и “духовную” практически отошло в прошлое (например, церковная фреска вполне материальна, но выполняет функцию духовного воспитания прихожан, а пошлый и глупый анекдот, не имеющий материального воплощения, играет прямо про-

тивоположную роль; китайские палочки для еды - не просто и не только вещь, ибо частью соответствующей культуры их делает умение пользоваться этими палочками при еде, например, отварного рассыпчатого риса);

б. понимание того, что культура - средство и результат внебиологической групповой адаптации к условиям окружающей среды (однако это лишь частное этноэкологическое, т.е. субдисциплинарное определение, акцентирующее внимание на общепризнанной адаптивной роли культуры, являющейся приоритетной среди всех её функций).

Итак, в социальных науках страны благодаря работам Э.С. Маркаряна возобладавало крайне широкое толкование культуры как в первую очередь способа (средства) организации человеческой деятельности². Вероятно, и концепция культурного ландшафта не должна прямо противоречить этому.

Общепринятым в этнологии подходом к изучению культуры стало также разделение многообразных её проявлений на “эмные” (emic) и “этные” (etic), начало чему положил в 1967 г. лингвист Кеннет Пайк (Seymour-Smith, 1986: 92). Значение терминов легко запомнить по аналогии со сходно звучащими лингвистическими терминами: этные феномены культуры любого сообщества, как и фонетику (отдельные звуки) любого языка, одинаково воспринимают все люди на Земле, тогда как значение эмных явлений культуры, как и отдельных фонем (имеющих определенные значения звукосочетаний) в языке, понятно только представителю данной культуры и носителю этого языка.

Таким образом, пришедший извне и неподготовленный наблюдатель может зафиксировать и адекватно объяснить только “этные” элементы культуры другого народа, чаще всего связанные с расселением, хозяйством и материальным жизнеобеспечением (пищей, одеждой, жилищем), но и в этой сфере мотивация действий людей останется для него в значительной степени непонятной. Но верно понять и описать “эмные” явления, преимущественно связанные с гуманитарной или социо-норматив-

С. 65

ной составляющими культуры, способен только специально подготовленный исследователь либо представитель данного народа.

Например, классик экологической антропологии Рой Раппапорт подчеркивал, что исследователь в поле, поняв функционирование экосистемы, включающей человеческое сообщество как один из её компонентов (human ecosystem, или этноэкосистема), в идеале должен адекватно и параллельно описать сразу две её модели (Rappaport,

---

² Это положение было опубликовано им еще в 1969 г.; см. также: Маркарян, 1983.

1979: 97-144): (а) экосистему в понимании и терминах современной науки (“операциональная модель”), (б) систему связей и отношений между людьми и окружающей их средой в том виде, как их осознает (следовательно, и называет) изучаемая группа (“когнитивная, или воспринимаемая населением, модель”). В последней в традиционном обществе не будет таких средовых факторов, как болезнетворные микроорганизмы, очаги их концентрации и пути проникновения в организм человека, но зато будут добрые и злые духи или знамения и т.п., реально и серьезно влияющие на поведение людей.

Несомненно, концепция культурного ландшафта тоже должна, во-первых, четко разделять эмные и этные составляющие той части культуры населения, которую она отражает (и одновременно объяснять, какие специалисты и каким образом будут собирать соответствующие сведения). Во-вторых, ей придётся ответить на кардинальный вопрос - нужно ли выбирать только один из указанных подходов (и какой именно, эмный либо этный?), или же следует стремиться к их синтезу (но тогда каким образом избегать смещения в одной словесной или картографической модели результатов использования принципиально разных методологических подходов?), или же надо давать два разных варианта описания культурного ландшафта для одной местности и одной группы населения (по аналогии с анализом этноэкосистем экологов-антропологов)?

Удачное предложение высказал В.Н. Калуцков, акцентировавший внимание к культурным особенностям местного сообщества и его топонимике, т.е. он ориентировал исследователей на изучение и отражение в модели культурного ландшафта прежде всего по сути “эмных” характеристик культуры. Такой подход, описывающий культурный ландшафт как бы “изнутри” и воспринимающий его “глазами местного населения”, он справедливо называет “этнокуль-

С. 66

турным ландшафтоведением”³, а получаемые результаты исследований - “этнокультурными ландшафтами” (Калуцков, 2000-а: 14-16). Однако эта позиция налагает существенные ограничения, ведь масштаб таких исследований будет ограничен локальными

---

³ Здесь частица “этно-” означает привязку получаемой картины к мировосприятию определенного народа (этноса) или его этнотерриториальной группы и, одновременно, соответствие термина установкам методологической школы “этнонауки” в американской культурной антропологии, последователи которой стремятся описывать культуру и среду обитания именно так, как их воспринимает само изучаемое население (т.е. превращая слова и представления народа в термины и понятия).

и, редко, региональными рамками (в случае территорий компактного расселения крупных по численности и однородных по культуре народов). Неясно, можно ли будет обобщать и группировать в некие типы (классы) подобные этнокультурные ландшафты или же создавать относительно мелкомасштабные карты их распространения. Достаточно представить себе полиэтничный регион, среди народов которого, как, например, в Южной Сибири, встречаются кочевники-скотоводы и оседлые земледельцы или бродячие таежные охотники, оседлые рыболовы в долинах крупных рек и оседлые земледельцы, а ведь в существенно разных культурах принципиально различаются способы восприятия и организации освоенного географического пространства, а значит, потребуются разные методы фиксации такого рода информации.

Возможно, термин “культурный ландшафт” стоит использовать параллельно с “этнокультурным ландшафтом” (в понимании В.Н. Калужкова), но в других двух значениях:

- как обобщенное, “родовое” определение всех территориально-культурных комплексов, т.е. результатов изучения того, как культура отражается в ландшафте и организует географическое пространство в сознании населения и, одновременно, как сама она отражает особенности географической среды;
- как результат применения “этно” подхода, не предполагающего знания исследователем языка и культуры местного населения и выражающего лишь внешние, наблюдаемые особенности отражения культуры в ландшафте и ландшафта в культуре (что будет естественно преобладать в мелкомасштабных региональных и глобальных обзорных работах).

С. 67

В итоге терминология может выглядеть следующим образом:

территориально-культурные комплексы (культурные ландшафты в широком значении слова)	
этнокультурные ландшафты (отражают восприятие культурного ландшафта изучаемым населением)	культурные ландшафты (отражают восприятие культурного ландшафта исследователем, не знакомым с языком и культурой изучаемого населения)

Локальный культурный ландшафт тоже может быть описан только на основе его этных характеристик, доступных и понятных внешнему наблюдателю. Естественно, в идеале такая модель послужит лишь дополнением к модели локального “этнокультурного ландшафта”, но зато первую и подобные ей легко классифицировать и обобщать. Кроме того, именно такого рода информацию мы можем вычлениить из многочисленных описаний путешественников и исследователей. Определенная продуктивность данного подхода доказывается опытом археологов, успешно пытающихся реконструировать не просто “культурный ландшафт”, но всю культуру по одним только её материальным остаткам.

Классификации культур народов мира по хозяйственно-культурным типам (ХКТ) и историко-культурным областям (ИКО) и сами концепции ХКТ и ИКО (последние ранее чаще именовались “историко-этнографическими областями”) являются приоритетным достижением советской этнографии. Основной вклад в их разработку внесли М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров (Левин, 1947; Левин, Чебоксаров, 1955). Активно продолжил эти исследования Б.В. Андрианов (Андрианов, Чебоксаров, 1972; Андрианов, Чебоксаров, 1975), которому принадлежат определения: “Хозяйственно-культурные типы - это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития”, тогда как “историко-этнографические области

С. 68

(или ИКО - прим. автора), как правило, охватывают группы народов определенной территории, хотя бы и различного происхождения, но связанные между собой общностью исторических судеб, длительностью соседства и общения” (Андрианов, 1985: 18, 19).

Через концепцию ХКТ раскрывается культурная дифференциация человечества, являющаяся следствием неоднородности физико-географических условий на земной поверхности, которые приводят к различным результатам культурной адаптации, т.е. появлению разных ХКТ. Концепция ИКО отражает культурную дифференциацию человечества, являющуюся следствием вариаций в пространственно-временных условиях взаимодействия между отдельными народами (т.е. различий в пространственной близости и длительности культурных контактов между ними), которые приводят к различным результатам - возникновению достаточно мощного общего пласта культуры в границах одной ИКО и к почти полному отсутствию общих культурных явлений у народов из различных, особенно из пространственно отдаленных друг от друга, ИКО. Обе концепции, ХКТ и ИКО, включают иерархические классификационные системы (группа типов - тип - подтип - вариант для ХКТ, цивилизация* - регион (или провинция) - область - район для ИКО) и удобны для картографирования.

Народ (точнее, его культура) может входить только в одну ИКО, но иногда - в два и более ХКТ. Например, все чукчи (как и коряки, азиатские эскимосы, ительмены) включаются в Северо-Восточную ИКО (или, согласно другим взглядам, в одноименный район Сибирской ИКО), но в их составе существуют две группы - береговые чукчи (входят в ХКТ оседлых морских охотников Субарктики, характерный также для эскимосов и береговых коряков) и тундровые чукчи (представляют ХКТ кочевых оленеводов тундры, к которому относятся также тундровые коряки, ненцы, долганы и т.д.).

Кстати, зарубежная этнология таких детальных классификаций не создала, хотя в итоге пришла к сходным выводам. В США распространено отнесение традиционных культур к определенным “системам обеспечения средствами существования” (subsistence systems) типа кочевого скотоводства или подсечно-огневого земледелия (см., например: Netting, 1986), что по сути копирует ХКТ. С другой стороны, по аналогии с ИКО, отдельные культуры и соответствующие народы включаются в разные цивилизации или суб-

С. 69

---

* *Прим. автора к опубликованному в Интернете варианту текста* – данное утверждение по сути ошибочно, ибо соотношения между концепциями историко-культурных областей и цивилизаций в целом ряде случаев далеко не столь однозначны. См., например, утверждение из более поздней публикации: «Историко-культурная классификация народов, её сходство и различие с цивилизационным подходом (Кавказ как единая историко-культурная область, или ИКО, и как две цивилизации – исламская и восточно-христианская)». [Ямсков А.Н. Этногеография и география религий (программа учебного курса) // Этнология обществу. Прикладные

цивилизации. Например, монголы как кочевники-скотоводы попадают в одну систему обеспечения средствами существования вместе с казахами или арабами-бедуинами, а как буддистский народ они включаются в Восточно-Азиатскую цивилизацию вместе с китайцами и корейцами (либо в Центрально-Азиатскую буддистскую субцивилизацию вместе с бурятами и оседло-земледельческими и кочевыми народами Тибета).

Попытка же совместить учет всех или по возможности большинства компонентов культуры в единой классификационной схеме, представленная исследованиями американской школы “культурных областей” (или ареалов, - culture area) первой половины - середины XX в., успеха не принесла (см. подробнее: Чеснов, 1976). На этом фоне странно выглядит не критическое отношение Р.Ф. Туровского (2001: 16, 59) к концепции культурных областей, ведь в культурной антропологии её более не используют.

Итак, исследователям культурных ландшафтов необходимо решить важнейшую проблему - каким образом обобщать данные локальных исследований и как группировать исходные культурные ландшафты, т.е. “вписывать” ли их в ХКТ либо в ИКО. Можно, конечно, разработать особую классификационную схему (схемы), но невозможно обойти кардинальный вопрос - на какие элементы культуры следует обращать первостепенное внимание при описании культурного ландшафта и, следовательно, какие из них использовать при их типологизации (те, что отражают прежде всего адаптивные функции культуры, по аналогии с ХКТ, или же те, что, по аналогии уже с ИКО, отражают глубину и направленность межэтнических культурных контактов населения). Опыт американской школы “культурных областей” показывает высокую вероятность неудачи при попытке совместить оба подхода или же игнорировать указанную сложность состава и двойственность характера любой этнической культуры.

Например, особенности традиционной культуры севернорусского сельского населения позволяют этнологам классифицировать его двояким образом. Во-первых, его можно объединить со всеми другими крестьянами таежной зоны (в т.ч. с северными группами шведов и финнов) в едином варианте или подтипе ХКТ, а в рамках всего ХКТ земледельцев лесной зоны умеренного пояса - с другими народами Центральной Европы (немцы, поляки) и даже

С. 70

Восточной Азии (маньчжуры, северные корейцы) или Северной Америки (франкоканадцы). Во-вторых, те же русские крестьяне Архангельской области попадают в одну восточноевропейскую ИКО не только с соседними карелами или коми, но и с белорусами и украинцами, а в конечном счете - в восточнохристианскую (православную) цивилизацию вместе со славянами и румынами Балкан, греками и грузинами.

Поскольку в этноэкологии неплохо проработана хозяйственно-культурная типология традиционных культур, существует потенциальная опасность дублирования или напрасного конкурирования с такого рода исследованиями, либо же “растворения” в них учения о культурных ландшафтах. С другой стороны, концепция ХКТ применима только для традиционных или, в крайнем случае, переходных обществ (Ямсков, 2000), поэтому если в рамках исследований культурных ландшафтов удастся выработать единые методологические подходы и классификационные схемы для традиционных, переходных и модернизированных в социо-культурном плане групп населения, то данное предостережение отпадает.

Концепция ИКО, напротив, отчасти применима и в условиях современных обществ, а исследования цивилизаций в духе Н.Я. Данилевского и А. Тойнби ныне стали весьма популярны у обывателей и политиков. Ориентация на такой подход делает концепцию культурного ландшафта более востребованной и лучше известной, однако это чревато заданностью выводов и политизацией итогов работы.

Компонентный состав культуры характеризует её содержание и тем самым облегчает изучение, однако этот подход применим только к традиционным обществам (или доиндустриальным, т.е. не использующим внебиосферные источники энергии - см.: Ямсков, 2000: 178-179).

Независимо друг от друга и почти одновременно в 1950-ые гг. отечественные и американские ученые пришли к пониманию двойственности культуры. Так в СССР возникли концепции ХКТ и ИКО, а в США - культурная экология Дж. Стюарда. Он предложил выделять в каждой этнической культуре её ядро (технологический базис и другие явления и институты), обеспечивающее адаптацию к условиям окружающей среды, и периферийные элементы, которые не выполняют непосредственных адаптивных функций, но от-

ражают историю народа, его происхождение и культурный обмен с другими этносами (Steward, 1955: 37-41). М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров подобным же образом разделили культуру народа на ту часть, которая характеризует ХКТ (аналог культурного ядра), и ту, по которой данную культуру можно отнести к той или иной ИКО (аналог периферийных элементов культуры).

Позднее, благодаря Ю.И. Мкртумяну (1978: 44), в этнологии распространилось представление о том, что все многообразие материальных и нематериальных явлений культуры, с точки зрения их базовых функций по обеспечению и регулированию жизни человека в природе и обществе, входит в состав четырех основных компонентов культуры этноса - культуры первичного производства, культуры жизнеобеспечения, социо-нормативной культуры, гуманитарной культуры. Наиболее полное обоснование эта идея обрела в работах С.А. Арутюнова (Арутюнов, 1989: 200-229; Арутюнов, Мелконян, 1983). Ныне эти представления практически полностью вытеснили деление культуры на материальную и духовную, поскольку каждый из названных компонентов включает как материальные объекты, так и нематериальные знания, убеждения, навыки и т.п..

Некоторые терминологические новации и корректировки данного подхода (Ямсков, 1999: 111) позволяют разделить культуру народа следующим образом:

- (1) культура природопользования и расселения (орудия труда и навыки их применения в первичном производстве; система расселения и критерии выбора мест под поселения и временные стоянки; поселения, маршруты передвижения по освоенной территории и хозяйственные постройки, и т.п.);
- (2) культура материального жизнеобеспечения (пища и кухонная утварь, одежда и обувь, жилище и предметы домашнего обихода);
- (3) социо-нормативная культура (обычное право, мораль, этика, определяющие поведение человека в семье, общине, обществе);
- (4) гуманитарная культура (народное искусство; народные исторические знания; мифология и религия).

Естественно, встает вопрос о целесообразности использования такого понимания компонентного состава традиционной культуры при разработке концепции культурного ландшафта и, что главное,

о выделении и обосновании приоритетного значения тех или иных из них для характеристики культурного ландшафта. Существующие в этнологии решения этой проблемы приводят в конечном итоге к ХКТ либо ИКО - первостепенное внимание к гуманитарному и социо-нормативному компонентам культуры выводит нас на концепцию ИКО, а ХКТ выделяются в основном по первым двум компонентам традиционной культуры.

Первичный (гомогенный) культурный комплекс в этноэкологии определяется на основе концепции этноэкосистемы. Она появилась благодаря В.П. Алексееву (1975) под именем “антропогеоценоза”, но позже сменила свое название на современное (Козлов, 1983) и получила развитие в исследованиях И.И. Крупника (1989).

Структурными блоками этноэкосистемы являются, по В.П. Алексееву (1975), хозяйственный коллектив (община), освоенная территория (со всеми её природными условиями и ресурсами), хозяйственно-бытовой инвентарь (часть культуры, выполняющая важнейшие адаптивные функции). И.И. Крупник (1989) добавил сюда популяции домашних животных.

При несколько измененном понимании структуры этноэкосистемы (Ямсков, 1999: 111-112) её основными блоками, наряду с хозяйственным коллективом, освоенной территорией, домашними животными, будут также выступать культивируемые растения (все эти 4 блока существуют в материальном виде) и 5-ый блок, существующий как в материальном, так и в нематериальном виде, - культура членов хозяйственного коллектива, отдельные компоненты которой как раз и осуществляют или опосредуют взаимодействия между всеми остальными структурными блоками этноэкосистемы, а также между данным хозяйственным коллективом и соседними общинами (хозяйственными коллективами соседних экосистем).

При анализе этноэкосистемы хозяйственный коллектив описывается по следующим критериям: численность, поло-возрастной состав, показатели рождаемости и смертности, интенсивность миграционного обмена с соседними общинами. Освоенная территория характеризуется общей площадью и полезной (реально эксплуатируемой) площадью, природными условиями (по сезонам года, с учетом биотических и абиотических факторов воздействия), ре-

С. 73

сурсным потенциалом (с характеристикой местоположения и доступности отдельных ресурсов по сезонам)

Между составляющими этноэкосистемы и базовыми элементами культурного ландшафта (Калуцков, 2000-b: 10-11) напрашиваются очевидные параллели: хозяйственный коллектив - местное сообщество; освоенная территория - место.

Вкратце суть концепции этноэкосистемы состоит в том, что она дает схему анализа реально существующих сообществ людей, совместно осваивающих определенный участок земли и существующих за счет получаемых с этой территории продуктов (для собственного потребления либо обмена). Именно отдельные этноэкосистемы являются своего рода первичными ячейками, обобщение сведений о которых дает возможность выделять ХКТ. Так, территория распространения ХКТ складывается из суммы освоенных территорий однотипных этноэкосистем, носителями ХКТ являются члены хозяйственных коллективов однотипных этноэкосистем, а специфическая для ХКТ культура является синтезом культурных особенностей всех хозяйственных коллективов этих однотипных этноэкосистем,

Хозяйственный коллектив является носителем исходного и далее не делимого культурного комплекса, т.е. даже соседние хозяйственные коллективы уже обладают некими нюансами культурного своеобразия. Однако для этноэкологов хозяйственный коллектив - это община, которую определяет совместное использование ресурсов определенной освоенной территории и контроль над последней. Численность членов хозяйственного коллектива поэтому всегда невелика - от многих десятков или нескольких сотен у охотников и рыболовов тайги до многих сотен у кочевых скотоводов и, максимум, нескольких тысяч человек у земледельцев в наиболее плодородных регионах с орошаемым земледелием. В условиях традиционной русской крестьянской культуры, например, хозяйственный коллектив этноэкосистемы представляет собой жителей одной деревни (возможно, вместе с несколькими выселками, если сохраняются общины для всех угодья).

Однако оперировать столь малыми сообществами и культурными комплексами, распространенными на достаточно небольших ареалах (хотя у степных кочевников или оленеводов тундры освоенные территории каждой общины могут занимать тысячи квадратных километ-

С. 74

ров), неудобно. Поэтому у этноэкологов получило распространение выделение **этно-территориальных групп населения** - сообществ, объединяющих в себе членов многих десятков и даже сотен хозяйственных коллективов при условии, что вследствие

общности происхождения и социально-экономического положения и благодаря практически одинаковым природным условиям освоенных ими территорий они обладают по существу однородной (однотипной) культурой.

В русской крестьянской культуре этнотерриториальные группы занимали от нескольких волостей до уезда. В Азербайджане, например, среди русских крестьян-старожилов мы выделяли шемахинских молокан, живших в среднегорьях Большого Кавказа (куст сел, расположенных чересполосно с татскими, азербайджанскими и армянскими селами) и южно-муганских молокан, занявших предгорную равнину в северной части Ленкоранского уезда (тоже чересполосно с оседлыми и полукочевыми азербайджанцами). Предполагалось, что культурные особенности населения и природные условия жизни молокан в каждой из этих двух этнотерриториальных групп примерно одинаковы (Козлов и др., 1988).

Видимо, и в концепции культурного ландшафта при описании традиционных или переходных сообществ стоит аналогичным образом выделять два первых уровня анализа: (а) культурный ландшафт в рамках освоенной территории конкретной общины (хозяйственного коллектива), (б) культурный ландшафт группы соседних общин (энтотерриториальной группы), однородных по культуре, единых по происхождению и социально-экономическому положению, проживающих в практически одинаковых природных условиях.

Возможно, эти сведения и размышления окажутся полезными для разработчиков концепции культурного ландшафта. Ведь между культурной географией и этнологией, а в особенности между этнической экологией и исследованиями культурных ландшафтов много общего в задачах и методах. Например, в США культурная география возникла под очень сильным влиянием культурной антропологии и долгое время продолжала тесно с ней контактировать, рассматривая методы культурной экологии как одни из основных в своем арсенале (Mikesell, 1978: 2-4, 6; см. также: Туровский, 2001: 87-91),

Будем надеяться, что эти связи продолжат развиваться далее и, главное, в концепции культурного ландшафта будет отражено, но

С. 75

уже в творчески переработанном и адаптированном для решения новых задач виде, то богатство идей и представлений о культуре, её составе и функциях, принципах клас-

сификации и картографирования, которым обладают этническая экология и экологическая антропология, равно как этнология или культурная антропология в целом.

Литература:

1. Алексеев В.П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа, 1975, №7, с.18-23
2. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М.: Наука-ГРВЛ, 1985, 280 с.
3. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография, 1972, №6, с. 3-16
4. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // Советская этнография, 1975, № 3, с. 15-25
5. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989, 247 с.
6. Арутюнов С.А., Мелконян Э.Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. Ереван: изд. АН АрмССР, 1983, с. 53-60
7. Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. Учебное пособие. М.: изд. МГУ, 2000-а, 96 с.
8. Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований. Ред.: Красовская Т.М. М. - Смоленск: изд. СГУ, 2000-б, с. 6-13
9. Калуцков В.Н., Красовская Т.М. Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестник Московского университета, Серия 5. География. 2000, №4, с. 3-6
10. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография, 1983, №1, с. 3-16
11. Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX - XX вв.) // Советская этнография, 1988, № 6, с. 34-49
12. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989, с. 86-107

С. 76

13. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989, 272 с.
14. Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1947, т. 2, с.84-86
15. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография, 1955, №4, с.3-17
16. Маркарян Э.С. К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей системы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. Ереван: изд. АН АрмССР, 1983, с. 17-19.
17. Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 44.

18. Туровский Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география. Ред.: Веденин Ю.А., Туровский Р.Ф. М.: Институт наследия, 2001, с. 10-94
19. Чеснов Я.В. О теории "культурных областей" в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды. М., 1976.
20. Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам, Географический ф-т МГПУ. Ред.: Дмитриева В.Т., Воробьев А.Н., Ямсков А.Н. М.: изд. МГПУ, 1999, с. 105-126
21. Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: Издательский дом "Стратегия", 2000, с. 172-185
22. Mikesell M. Tradition and Innovation in Cultural Geography // AAAG, 1978, vol. 68, ¹ 1
23. Netting Robert. Cultural Ecology. 2nd Edition. Prospect Heights (Illinois): Waveland Press, 1986, 131 pp.
24. Rappaport Roy. Ecology, Meaning, and Religion. Berkeley: North Atlantic Books, 1979, 259 pp.
25. Seymour-Smith Charlotte. Macmillan Dictionary of Anthropology. London: The Macmillan Press, 1986, 305 pp.
26. Steward Julian. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955.

C. 77